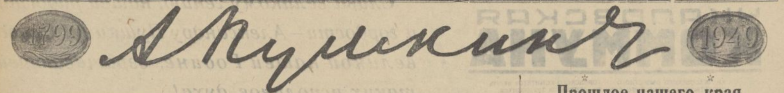

Митинг в селе Берды, Чкаловского района, посвященный открытию памятника А. С. Пушкину, состоявшийся в воскресенье 5 июня. На трибуне — старейший колхозник сельхозартели «Ленинский луч» И. М. Иванов.

Фото В. Лашманова.

Митинг в Бердах

Улицы Чкалова, ведущие к сакмарской переправе, давно не видели такого большого, оживленного потока машин и людей, как в это воскресенье. На автобусах, легковых и грузовых автомобилях, доотказа переполнив кузова, на конных повозках, украшенных цветами и лентами, пешком и на велосипедах горожане стремились в историческое село Берды, на торжества по случаю 150-летнего юбилея со дня рождения великого русского национального поэта А. С. Пушкина.

Более ста лет назад Пушкин посетил село Берды. Здесь была ставка Пугачева. Здесь из уст его современников, живых свидетелей восстания, Пушкин записывал материалы о пугачевском движении. И вот сегодня, когда вся страна с благоговением и благодарностью отмечает день рождения своего гениального сына, в селе Берды открывается памятник пламенному борцу за свободу и просвещение народа, устраивается большое народное гулянье.

Площадь перед школой и прилегающие к ней улицы забиты народом. Труженики двух колхозов, работники ЛЭС и интеллигенция села Берды, многочисленные гости из соседних деревень и из Чкалова, руководители районных, городских и областных партийных и советских организаций — все собрались сюда засвидетельствовать свое сердечное почтение, поздравить с днем рождения давно ушедшего от нас, но вечно живущего, шагающего в ногу с нами, великого Пушкина. Взоры всех устремлены на высокий постамент под белым покрывалом, окруженный красивой железной оградой. В ограде колхозники любовно сделали клумбы с цветами.

...Четыре часа дня. На трибуну поднимаются секретари обкома, горкома и райкома ВКП(б), представители колхозов, сельской и городской интеллигенции. Митинг открывает секретарь Чкаловского сельского райкома партии тов. Сурков.

— 150 лет тому назад, — говорит тов. Сурков, — родился гениальный русский поэт, пламенный певец свободы Александр Сергеевич Пушкин. В своих бессмертных творениях он воплотил лучшие черты и чаяния русского народа: его беззаветную любовь и преданность своей родине, гордое свободолюбие, мужество и стойкость в борьбе за свободу. Создатель русского литературного языка, родоначальник новой русской литературы, певец декабризма и гневный обличитель крепостничества, Пушкин всегда интересовался героической историей своего народа. Этот интерес привел его в село Берды, где был центр знаменательного пугачевского движения. В результате оренбургской поездки, Пушкин написал «Историю Пугачева» и «Капитанскую дочку». И вот сегодня мы собрались здесь на великий праздник нашей социалистической культуры. И мы с радостью отмечаем: нет больше Берд времён Пушкина — захолустного уголка на дальней окраине царской России. Есть новое советское село Берды, с передовыми колхозами, школами, библиотекой, клубом, радио, кино. Сбылись мечтания поэта — пришли к народу свобода, свет и знание. Под руководством коммунистической партии и советской власти народы России достигли небывалого расцвета не только экономики, но и культуры.

В селе, где «рабство тощее влачилось по браздам», люди живут теперь зажиточной, культурной жизнью. И не только в этом селе, где отныне будет стоять памятник гениальному поэту, а во всем нашем районе колхозы успешно борются за дальнейшее укрепление экономического могущества своей Родины, отдают все силы, чтобы вырастить богатый урожай и с честью выполнить свои обязательства, данные в письме великому Сталину — творцу нашей прекрасной жизни.

Митинг открыт. В торжественной тишине председатель Чкаловского райисполкома тов. Ступников подходит к памятнику. Легкий рывок ленты. Белое покрывало медленно, волнами ниспадает на ступени пьедестала. Взорам присутствующих открылся бюст поэта на трехметровом постаменте. Гордый, вдохновенный поворот головы, вдаль устремленный взгляд... Таким мы знаем его по многочисленным портретам, таким он смотрит на нас сейчас, словно готовый сказать:

Здравствуй, племя младое, незнакомое!..

Раздается взрыв аплодисментов. Оркестр исполняет Государственный гимн. Его широкая героическая мелодия звучит как-то особенно торжественно, приподнято, волнующе.

С краткой речью выступает секретарь обкома ВКП(б) тов. А. Я. Жуков. Он говорит об исключительно огромном, неоценимом значении Пушкина и его творческого наследия в развитии русской национальной культуры — самой передовой и самой идейной культуры мира, о том, что пушкинский юбилей — это праздник всего многомиллионного и многонационального советского народа. Имя Пушкина прославило, прославляет и будет прославлять нашу отчизну. В суровый 1941 год, говоря о том, что немецко-фашистским мракобесам никогда не победить свободолюбивого советского народа, великий Сталин поставил имя Пушкина в ряду с лучшими представителями великой непобедимой русской нации.

Слово предоставляется старейшей учительнице села, награжденной за долголетнюю работу в школе орденом Ленина, А. С. Новокщеновой. Свою речь она начинает проникновенными стихами поэта:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа.

И вот — эта тропа! — с волнением восклицает старая учительница. — Ее проложил народ, которому Пушкин посвящал все свои чистые, высокие стремления, которому завещал все свое наследие.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...

— Как он был прав и в этих словах! Нет такого уголка в нашей необ'ятной стране, где бы не знали, не читали и не любили Пушкина. Вот и мы, советские люди самых разных профессий, собрались здесь, в бывшей казачьей станице Берды, которая раньше была воплощением дикости и глухомани. Нет больше той станицы. Есть большое, культурное колхозное село Берды. Но мы гордимся и прошлым своего села: ведь здесь был великий гений, который во мраке крепостничества сиял лучами разума и призывал к свободе, свету, — здесь был Пушкин. Он воспел человека, его право на счастливую, творческую жизнь. И этим он вошел в нашу эпоху. Пушкин всегда был и будет с нами, как живой и вечно славный сын великого русского народа.

Памятник А. С. Пушкину, открытый в селе Берды, Чкаловского сельского района. 5 июня 1949 года.

Фото В. Лашманова.

На трибуне — звеньевая передового колхоза «Ударник второй пятилетки» Герой Социалистического Труда О. Д. Волошина. Она говорит:

— Вместе со всей страной мы празднуем сегодня день рождения гениального народного поэта А. С. Пушкина. Более века отделяет нас от него. Но он дорог и близок нам тем, что воспел свободу и труд, возвысил душу русского человека. И мы с гордостью говорим сегодня: сбылись твои мечты заветные, посмотри как свободно и радостно живут люди, какую еще более прекрасную жизнь строят они под руководством своего вождя и друга великого Сталина. Пушкин дорог и близок нам еще и потому, что его стихи и сегодня зовут нас к новым подвигам.

Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы

— Эти удивительные простые, но такие волнующие строки находят горячий отклик в сердце каждого советского человека. Творчество Пушкина вдохновляет нас на борьбу за дальнейшее процветание могущества и славы нашей великой Родины. И я призываю всех трудящихся нашего района отдать свои силы скорейшему выполнению сталинского плана преобразования природы, чтобы мы, земледельцы, не глядя ни на какие стихийные силы, выращивали обильные урожаи.

Выступает кандидат филологических наук Н. Е. Прянишников.

— С чувством глубокого благоговения присутствуем мы сегодня на открытии памятника нашему великому русскому поэту в ознаменование пребывания его здесь, в Бердах, осенью 1833 года. 116 лет тому назад здесь ступала нога одного из величайших сынов нашей Родины — А. С. Пушкина. Большое волнение охватывает душу, как только представишь себе, что вот здесь, где мы собрались сейчас, когда-то был он, создатель русского литературного языка и новой русской литературы.

С речью выступает старейший колхозник села И. М. Иванов.

— Мне 67 лет, — говорит он. — Я родился, вырос и состарился в Бердах. На моем веку было то, что так гневно осуждал великий Пушкин, на моих глазах построена новая свободная жизнь, которую он пророчил нам, крестьянам. Жили мы в темноте, в нужде. Пахали сохою, убирали вручную. Копался каждый в одиночку на своей полоске. Урожай собирали низкий. А теперь живем в колхозе, трудимся сообща. Партия и правительство постоянно заботятся о нас, дают нам машины для облегчения труда. Урожаи собираем богатые. Село наше выросло неузнаваемо. Теперь у нас две школы, клуб, библиотека, медицинский пункт, радио, электричество. А разве могли мы раньше думать о таком торжестве в своем селе, как сегодня? Нет, это стало возможно только в новое время, только при нашей народной советской власти.

Слово взяла секретарь колхозной парторганизации М. Е. Перова. Она говорит:

— Имя Пушкина у нас пользуется большой любовью и уважением. Он подлинно народный поэт. Его творчество отражает лучшие чувства и мысли народные. Все мы знаем замечательное стихотворение «Деревня», в котором Пушкин разоблачал рабский самодержавный строй России, заклеймил позором угнетателей-крепостников и в то же время высказал надежду на светлое будущее, когда над отечеством свободы просвещенной взойдет прекрасная заря. Пушкину не довелось увидеть эту зарю. Такое счастье выпало на долю его потомков, на нашу долю. И мы принимаем провозвестника этой доли, как живого бойца, стоящего рядом с нами и сегодня.

Митинг окончен. Снова плывут торжественные звуки Государственного гимна. Затем все направляются за село, на обширную зеленую поляну. Здесь артисты облдрамтеатра и филармонии дали большой концерт из произведений Пушкина. Потом началось невиданное еще в селе по своей массовости и торжественности народное гулянье. Радостный и яркий праздник длился до позднего вечера, пока зеленую поляну не окутали густые сумерки и не потянуло свежей ночной прохладой с Сакмары.

Я памятник себе
воздвиг нерукотворный;
К нему не зарастет
народная тропа.

А. Пушкин.

Прошлое нашего края в произведениях А. С. Пушкина

Оренбургская поездка Пушкина, предпринятая им осенью 1833 года, навсегда останется поучительным свидетельством его высокой писательской добросовестности. Задумав написать исторический очерк и повесть о Пугачеве, Пушкин не ограничился изучением архивных материалов в столице, но решил лично побывать в Оренбурге и в Оренбургском крае.

Изустные свидетельства и предания о Пугачеве и пугачевском восстании Пушкин собирал во всех пунктах своего оренбургского маршрута — в крепостях Сорочинской, Переволоцкой, Татищевой, Нижнеозерной, в Оренбурге и Уральске, но особенно много материала дала Пушкину его встреча со старожилами Бердской слободы, где в течение полугода была ставка Пугачева.

Немало дало Пушкину непосредственное знакомство с бытом, нравами и языком местного населения, а также с природой оренбургской степи, с оренбургскими крепостями и т. д. Все это придает особое значение каждой строке Пушкина о нашем крае, и все они, вместе взятые, драгоценны для местного краеведения.

Замечателен по своей лаконичной точности общий очерк Оренбургского края, которым начинается «История Пугачева». Очерк этот заканчивается исторической справкой о появлении на берегах Яика, в XIV столетии, «донских казаков, раз'езжавших по Хвалынскому морю». Московское, а затем петербургское правительство стремилось использовать новых насельников Яика (по имени реки они стали называться яицкими казаками) для несения пограничной службы. И вот по правому берегу реки возникла цепь своеобразных военных поселков-крепостей со смешанными солдатско-казацкими гарнизонами. Они были очень примитивны. «Крепости, в том краю выстроенные, — читаем во второй главе «Истории Пугачева», — были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором». Одна из них описана в «Капитанской дочке» под названием Белогорской. Судя по имеющимся в повести данным, определяющим ее местоположение, под именем Белогорской крепости Пушкин описал Татищеву.

Восстание подготовлялось вдали от линии яицких крепостей, по глухим степным умётам. Один из них описан в «Капитанской дочке». «Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввел меня в горницу, тесную, но довольно чистую, лучина освещала её. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка... Постоялый двор, или, по тамошнему, умёт, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань». Как помнит читатель, Гринев и Савельич попали сюда с помощью таинственного вожатого, застигнутые степным бураном, классическое описание которого дано в той же главе повести.

Пугачевское движение началось в сентябре 1773 года в окрестностях Яицкого городка (ныне г. Уральск), откуда «Пугачев пошел прямо к Илецкому городку и послал начальствовавшему в нем атаману Портнову повеление — выйти к нему навстречу и с ним соединиться. Он обещал казакам пожаловать их крестом и бородою (илецкие, как и яицкие, казаки были все староверы), реками и лугами, деньгами и провиантом, свинцом и порохом, и вечною вольностью, угрожая местью в случае неповиновения. Верный своему долгу, атаман думал сопротивляться; но казаки связали его и приняли Пугачева с колокольным звоном и с хлебом-солью. Пугачев повесил атамана, три дня праздновал победу и, взяв с собою всех илецких казаков и городские пушки, пошел на крепость Рассыпную» («История Пугачева», глава II). Таким образом, илецкие сыграли немаловажную роль в ходе пугачевского движения, оказав ему существенную поддержку на самом первом его этапе.

Вслед за Рассыпной была взята Нижнеозерная. Бердинская казачка Бунтова, так много ценного сообщившая Пушкину, была родом из Нижнеозерной и рассказала поэту о взятии Пугачевым именно этой крепости.

Из Нижнеозерной Пугачев двинулся на Татищеву. «Известия об успехах Пугачева приходили в Оренбург одно за другим... Рейнсдорп (Оренбургский военный губернатор. — Н. П.), думая уже о безопасности самого Оренбурга, приказал обер-коменданту исправить городские укрепления и привести в оборонительное состояние»...

Прежде чем подойти вплотную к Оренбургу, Пугачев пошел к Сакмарскому городку, «коего жители ожидали его с нетерпением. Первого октября, из татарской деревни Каргале поехал он туда в сопровождении нескольких казаков... В крепости у станичной избы постланы были ковры и поставлен стол с хлебом и солью. Поп ожидал Пугачева с крестом и с святыми иконами. Когда в'ехал он в крепость, начали звонить в колокола; народ снял шапки, и когда самозванец стал сходить с лошади,... тогда все пали ниц. Он приложился ко кресту, хлеб-соль поцеловал и, сев на уготованный стул, сказал: **вставайте, детушки!** Потом все целовали его руку. — Пугачев осведомился о городских казаках. Ему отвечали: что иные на службе, другие с их атаманом, Данилом Донским, взяты в Оренбург, и что только двадцать человек оставлены для почтовой гоньбы, но и те скрылись. Он обратился к священнику и строго приказал ему отыскать их... На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Он обошелся с ними ласково и взял с собою. Они спросили его: сколько прикажет взять припасов? **Возьмите, отвечал он, крошку хлеба: вы проводите меня только до Оренбурга.** В сие время башкирцы, присланные от оренбургского губернатора, окружили город. Пугачев к ним выехал и без бою взял всех в свое войско»...

«В тридцати верстах от Сакмарского городка находилась крепость Пречистенская. Один из отрядов Пугачева занял ее без сопротивления... Пугачев усиливался: прошло две недели со дня, как явился он под Яицким городком с горстью бунтовщиков, и уж он имел до трех тысяч пехоты и конницы, более двадцати пушек. Семь крепостей были им взяты, или сдались ему. Войско его час-из-час умножалось неимоверно. Он решился воспользоваться счастием и 3 октября ночью, под Сакмарским городком, перешел реку через мост, уцелевший вопреки распоряжению Рейнсдорпа, и потянулся к Оренбургу». («История Пугачева», II глава).

Пугачев расположился лагерем на «казачьих лугах» в пяти верстах от Оренбурга. «Он тотчас двинулся вперед и под пушечными выстрелами поставил одну батарею на паперти церкви у самого предместия (Форштадт — Н. П.), а другую в загородном губернаторском доме. Он отступил, отбитый сильною пальбою». («История Пугачева», глава III).

Пугачев, — читаем мы в той же главе пушкинского очерка, — «несколько раз подступал под Оренбург со всеми силами своими. Но он не имел намерения взять его приступом. **«Не стану тратить людей»,** говорил он сакмарским казакам, **«а выморю город морем».** Не раз находил он способ доставлять жителям возмутительные (т. е., призывавшие к возмущению. — Н. П.) свои листы».

Таким образом Оренбург оказался в осаде, длившейся шесть месяцев. Положение жителей и гарнизона было весьма тяжелым... «У жителей отобрали муку и крупу и стали им производить ежедневно раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостом... Произошли болезни. Ропот становился громче. Опасались мятежа». («История Пугачева», глава IV). О том же читаем и в «Капитанской дочке» (в главе «Осада города»): «Легко можно себе вообразить, что жизнь в Оренбурге была самая несносная. Все с унынием ожидали решения своей участи; все охали от дороговизны, которая в самом деле была ужасна. Жители привыкли к ядрам, залетавшим на их дворы»... В перестрелках с пугачевцами перевес был неизменно на стороне последних.

С наступлением зимы Пугачев стянул свои силы обратно к Сакмаре и «расположился под Бердскою слободою, близ летней сакмарской дороги в 7 верстах от Оренбурга». Бёрды стали ставкой Пугачева. «Оттоле раз'езды его не переставали тревожить город, нападать на фуражиров и держать гарнизон во всегдашнем опасении... Учреждены были частые раз'езды и караулы. Пугачев строго наблюдал за их исправностью, сам их об'езжал иногда ночью. Учения (особенно артиллерийские) происходили почти всякий день. Церковная служба отправлялась ежедневно... Пугачев, будучи раскольником, в церковь никогда не ходил. Когда ездил он по базару или по бердским улицам, то всегда бросал в народ медными деньгами. Суд и расправу давал, сидя в креслах перед своею избою. По бокам его сидели два казака, один с булавою, другой с серебряным топором».

Изба, в которой жил Пугачев, кратко описана в «Капитанской дочке»: «Я вошел в избу, или во дворец, как называли её мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу, шесток, уставленный горшками, — все было как в обыкновенной избе. Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке...»

Пугачев иногда отлучался из Бердской слободы (в Яицкий городок), и тогда осадой Оренбурга руководили его ближайшие сподвижники — Шигаев, Падуров и Хлопуша. Однажды последний, в отсутствие Пугачева, вздумал овладеть Илецкой Защитой (где добывается каменная соль) и в конце февраля (1774 г. — Н. П.), взяв с собою четыреста человек, напал на оную. Защита была взята при помощи тамошних ссыльных работников... Казенное имущество было разграблено; офицеры избиты кроме одного, пощаженного по просьбе работников... Пугачев, возвратясь в Берду, негодовал на своеволие смелого каторжника и укорял его за разорение Защиты, как за ущерб государственной казне». («История Пугачева», глава IV).

В этих последних строках Пушкин рисует Пугачева как человека государственно мыслящего. Вообще Пушкин, вопреки официальной трактовке Пугачева как «злодея» и «беглого каторжника», изобразил его человеком выдающимся и обаятельным. Пугачев у Пушкина смел, умен, даровит, проницателен, суров, но вместе с тем справедлив и часто рыцарственно-великодушен. А главное, он — подлинно народный герой, ставший во главе народных масс. В повести и в очерке многократно подчеркивается популярность Пугачева в народе, а в одном из примечаний к «Истории Пугачева» Пушкин прямо писал: «Весь черный народ был за Пугачева». Как талантливый полководец, пушкинский Пугачев неизмеримо выше таких защитников Екатерины II, как оренбургский военный губернатор Рейнсдорп, этот тупоумный и бездарный военный бюрократ из немцев, или таких горе-вояк, как генералы Кар и Фрейман, которые посылались на выручку осажденного Оренбурга и с большим для себя конфузом и уроном были отбиты Пугачевым и его помощниками.

В конце 1773 года Екатерина II, крайне встревоженная успехами Пугачева, назначила командующим «оренбургским фронтом», генерала Бибикова, который направил к Оренбургу большой отряд регулярных войск под начальством князя Голицына. Пугачев, после некоторых маневренных передвижений, укрепился в Татищевой, причем распоряжения его «удивили князя Голицына, не ожидавшего от него таких сведений в военном искусстве». «Мятежники защищались отчаянно, но принуждены были уступить силе правильного оружия». После поражения под Татищевой Пугачев «пробился сквозь неприятельское войско и прискакал сам-пят в Бердскую слободу», откуда затем «бежал к Пречистенской и оттоле на Уральские заводы». Победители стали оправляться от пережитых страхов.

Не дешево стоила генералам Екатерины эта их первая победа над Пугачевым. К тому же торжество их было преждевременным. Самые большие тревоги для Екатерины, ее вельмож и всего дворянского сословия были еще впереди. Закончился лишь первый этап Пугачевского восстания. Оно перекинулось на горнозаводский Урал, чтобы вскоре охватить пожаром Поволжье. Крестьянская война 1773—75 годов разрасталась, но начало ей было положено в оренбургских степях. Именно здесь вербовались первые ее участники, и нынешним потомкам их дорого сознание, что героическая борьба их далеких предков против крепостного гнета и помещичьей эксплоатации записана на страницы истории, как резцом на меди, пером великого русского поэта А. С. Пушкина.

Н. ПРЯНИШНИКОВ.